

**Всероссийский конкурс научно-исследовательских,
изобретательских и творческих работ обучающихся**

«НАУКА, ТВОРЧЕСТВО, ДУХОВНОСТЬ»

Направление: Литературоведение

**Тема: Первый русский военный корреспондент Л.Н. Толстой и его
«Севастопольские рассказы»**

**Соискатель: Шаронова Надежда Игоревна, студентка 2 курса
Научный руководитель: Бочкова Юлия Сергеевна**

**Место выполнения работы: филиал «Озеры» ГАПОУ МО «Егорьевский
техникум»**

Содержание

Введение. Актуальность исследования	3
Крымская война в биографии Л.Н.Толстого	4
Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого как художественное открытие.....	7
Исторический и литературный контекст произведения	12
«Севастополь в декабре месяце»	14
«Севастополь в мае».....	17
«Севастополь в мае».....	18
Вклад Л.Н. Толстого в развитие военной публицистики.....	19
Заключение	26
Список литературы	27

Введение. Актуальность исследования

«История войн – не только история красивых сражений, побед и героизма. Это еще и история боли раненых солдат, история ужаса и слез, пережитых мирным населением»¹. Оборона Севастополя как ключевое событие Крымской войны 1853 – 1856 годов является этому ярким примером.

Лев Николаевич Толстой в своих рассказах о Севастополе предстает перед нами как военный корреспондент, даже несмотря на то, что рассказы не столь документальны (скорее художественны), как мы привыкли. Будучи непосредственным участником описываемых событий, Толстой описывает быт, настроения и мысли участников обороны без прикрас. Одни искренне хотят защищать свое Отечество, другие не понимают, ради чего нужно было бросать все и ехать на войну. Одни рассчитывают на медали, другие боятся умереть. Одни готовы пойти на любые жертвы, другие стремятся извлечь все возможные выгоды из войны, включая материальные. Толстой был свидетелем и участником этой эпопеи Севастополя.

Цель проекта: через знакомство с «Севастопольскими рассказами» выяснить достоверность фактов об обороне Севастополя через сопоставление информации из различных источников.

Задачи проекта:

- раскрыть особенности жанра военной журналистики;
- проанализировать «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого для выяснения исторических фактов обороны города;
- сопоставить литературное произведение с исторической действительностью;
- обобщить полученные данные и сделать вывод о достоверности изложения исторической информации в художественном произведении.

Объект исследования: литературное творчество Л.Н. Толстого

Предмет исследования: «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого как отражение опыта войны и особенностей журналистского стиля

Гипотеза:

Л.Н. Толстой стал первым русским писателем-корреспондентом, заложившим основы военной литературы и репортажа. Его реалистическое изображение военных действий и глубокое проникновение в психологию участников сражений оказали влияние на развитие русской прозы XIX века.

Методы работы:

- сбор информации: изучение литературы, анализ материалов прочитанного с точки зрения рассматриваемого вопроса;
- работа с литературоведческими статьями, монографиями;
- систематизация сведений;
- обработка результатов.

¹ Энциклопедия для детей. [Т.32] История войн/Редколлегия М.Аксёнова и др. – М., 2009.-640с.: ил., карты.

1. Крымская война в биографии Л.Н.Толстого

Крымская война – это военные действия между Российской Империей и Британской, Французской, Османской империями, продолжавшиеся с 1853 по 1856 годы. Наибольшее напряжение война достигла именно в Крыму, в честь которого и была названа. Сам конфликт возник по причине религиозного спора между католической Францией и православной Россией о правах на святые места в Палестине, которая тогда была частью Османской Империи. Турецкий султан Абдул-Меджид I, опираясь на поддержку Англии и Франции, отказал России гарантировать её права. В ответ на это Николай I ввёл свои войска в Дунайские княжества.

На протяжении четырёх лет шла ожесточённая борьба между войсками России и коалицией государств во главе с Турцией. Военные действия развернулись одновременно на нескольких театрах: Балтийском, Дунайском, Кавказском и Крымском. Прочёты Николая I во внешнеполитическом курсе, военно-техническая отсталость российской армии привели к тому, что для России это была очень тяжёлая война, сопровождающаяся колоссальными материальными потерями и глобальными человеческими жертвами. С осени 1854 года, основные бои развернулись на Крымском полуострове. Русский флот, который уступал кораблям союзников, был блокирован в бухте Севастополя. Оборона Севастополя 1854-1855гг., гарнизоном которого руководили В.А.Корнилов и адмирал П.С.Нахимов, длилась 349 дней.

События Крымской войны связаны с подвигами легендарных исторических личностей, снискавших себе славу национальных героев (см. Приложение 1).

Специально для участников обороны Севастополя, в том числе сестёр милосердия, были учреждены награды (см. Приложение 2), например, медаль «За защиту Севастополя», которая была первой российской медалью не за победу, а за оборону.

Данные события нашли отражение во многих произведениях литературы: «Герои Малахова Кургана» Л.Буссенара, «Севастопольская Страда» С.Н.Сергеева–Ценского, «Беллона» А.Брусникина, и т.д. Однако, наибольший общественный резонанс вызвало произведение Льва Николаевича Толстого «Севастопольские рассказы», состоящее из трёх частей: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года».

13 сентября 1854 года (25 сентября по н. ст.) началась первая героическая оборона Севастополя. 349 дней русские моряки и солдаты отстаивали город при численном превосходстве противника и продемонстрировали всему миру свой героизм, мужество и отвагу. Среди защитников города был и молодой подпоручик Лев Николаевич Толстой – в будущем знаменитый русский писатель.

Как же Лев Толстой оказался в Севастополе? В 1844 году Толстой поступил в Императорский Казанский университет, но учеба на факультете арабско-турецкой словесности не произвела на него должного впечатления, и в результате он был оставлен на второй год. Дальше Лев Николаевич решил поучиться на юридическом факультете, но и здесь не все у него получилось. Через два года он вообще покинул учебное заведение.

Очень к месту состоялась встреча со старшим братом Николаем, который служил в армии. Брат убедил Льва поступить в армию в качестве юнкера. Братья вместе попали на Кавказ и активно участвовали во многих стычках с горцами. Боевые заслуги молодого графа были замечены, и он заслужил Георгиевский крест, который великодушно отдал простому солдату, посчитав, что тому он больше пригодится, так как давал существенные льготы.

Толстого переводят в Крым из Кишенева по его личной просьбе, позже (3 июля 1855 г.) он напишет брату Сергею Николаевичу: «Я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться из штаба Сержпутовского, который мне не нравился, а больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел меня». В молодости Лев Толстой придерживался высказанного однажды постулата: «Будь полезен, сколько ты можешь, Отечеству». Эта фраза была для него основополагающей, и он неоднократно подтверждал ее на деле.

7 (19) ноября 1854г. подпоручик Лев Николаевич Толстой прибывает в осажденный и обороняющийся Севастополь. В это время туда переносятся основные действия Восточной (Крымской) войны. Именно здесь находится главная база Черноморского флота России. На основании крымских впечатлений, полученных во время Крымской кампании, Толстой напишет цикл рассказов.

Через несколько дней после приезда в Севастополь Толстой вместе с частью уезжает в тыл, в деревню Эски-Орду (современное Лозовое), находящуюся в нескольких километрах от Симферополя. Он пишет про свое пребывание в татарской деревне в дневнике: «26 ноября. Живу совершенно беспечно, не принуждая и не останавливая себя ни в чем: хожу на охоту, слушаю, наблюдаю, спорю»². Кажется, что Толстой бездеятелен, но на самом деле здесь работает не воин, а писатель. Он «слушает» и «наблюдает» и в Эски-Орде, и в Севастополе. Он мысленно уже перерабатывает свои первые впечатления о Крымской кампании.

Толстой всячески проявляет инициативу, проходя службу. Он создает проект реорганизации артиллерии, затем у него появляется задумка журнала «Военный листок», который не был разрешен Николаем I. Возможно, первый очерк «Севастополь в декабре» и был предназначен для этого журнала. Тогда Толстой просит Некрасова дать ему место в каждом номере «Современника» для военных материалов. Некрасов отвечает ему положительно и Толстой отмечает в дневнике: «...он [Некрасов] просит присылать ему статьи военные. Приходится писать мне одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта»³. Эта запись становится первым упоминанием о замысле «Севастопольских рассказов».

В апреле 1855 года Толстой получает назначение на самый сложный и опасный участок обороны Севастополя – четвертый бастион, где стал душой батареи. Сослуживцы говорили, что он редкий товарищ и честнейшая душа. Здесь он встречался с Нахимовым, Истоминым и Тотлебенем. Некоторое время командовал горным взводом на реке Бельбек и показал себя хорошим командиром, заботящимся о своих солдатах. 4 августа он принял участие в сражении на реке Черной. Бой был проигран, и это очень плохо повлияло на Толстого. Он до самого падения города оставался на боевых позициях и после признавался, что этот день был самым печальным в его жизни. За участие в боях Лев Толстой был награжден орденом святой Анны 4-й степени и медалями. На это время и приходится создание первого очерка цикла «Севастопольских рассказов» - «Севастополь в декабре месяце».

² Толстой Л. Н. [Дневник 1854 г.] // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 47. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1937.

³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 4. Севастопольские рассказы: в в 90 тт. Т. 4. М.: Гос. изд. Художественная литература», 1937

Рассказ большей частью описателен и бессюжетен. Толстой пишет его с намерением показать всей петербургской и московской публике волнующую всю Россию военную действительность. Особой выразительности в произведении он добивается, вводя в его контекст открытое авторское присутствие: ведет с читателем постоянный диалог, водит его по Севастополю, показывая и рассказывая. Описание обыденной, повседневной, неприглядной жизни осажденного города лишает рассказ романтизма, зрелищных батальных сцен.

Толстой рвался на войну, в центр военных действий, он подавал несколько прошений, прежде чем его перевели в Крым. Писатель последовательно проводит читателя по основным точкам Севастопольской обороны. Сначала он окажется в тылу, на спокойной, но деятельной Северной обороне. На ялике попадает на Графскую пристань, пройдет по набережной, где «шевелиются толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин»⁴, увидит улицы, загороженные баррикадами. Здесь в особенности, нежели во всем остальном пространстве рассказа, большое внимание уделено деталям: бомбы, ядра, картечи, «телеги с сеном, кулями и с бочками», дети, женщины, матросы, солдаты. Так он добивается отчетливой реалистичности в изображении самых различных сторон войны.

Далее автор пригласит читателя в трактир («ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров»). Ну а если он захочет испытать войну на себе, то пойдет на страшный 4-й бастион, где все время слышен гул канонады, где рядом разрываются бомбы, а люди находятся в постоянной опасности. И все это происходит на фоне спокойного, ласкового крымского пейзажа. Главное достижение Толстого в том, что он «отказывается от традиционного парадного изображения войны, от показа героического как чего-то особенного...». Солдаты и матросы – это простые люди, они ходят по грязи, курят, в их облике мало того героического, знакомого по романтической литературной традиции, к чему так привыкла читающая публика. Но это и есть истинные герои.

На бастионе перед читателем открывается истинная сущность героизма солдат и офицеров. Толстой изображает войну не в парадном облачении, а в «крови, в страданиях, смерти». Толстой показывает войну так, как до него никто этого не делал. Художник передает образ защитников родины, передает их настроение, психологию. Он показывает силу русского духа не в героическом величии, а в страдании, подчеркивая православную основу русского взгляда на мир.

Глубина и сила картин Севастопольской обороны обуславливается тем, что описывает их непосредственный очевидец событий: и воин, и писатель. Художественность в данном случае неразрывно связана с жизненностью, с достоверностью происходящего, сказывающейся в описаниях незнакомой для среднерусского жителя крымской погоды и природы: «В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморось сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...»⁵.

Рассказ был опубликован 1 июня 1855 года в шестом номере «Современника» с подписью Л.Н.Т. В начале стояла небольшая сноска: «Автор обещает ежемесячно присылать нам картины севастопольской жизни, вроде предлагаемой»⁶.

⁴ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., "Лексика", 1996.

⁵ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., "Лексика", 1996.

⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 4. Севастопольские рассказы: в 90 тт. Т. 4. М.: Гос. изд. Художественная литература», 1937

Рассказ моментально облетел всю Россию и получил огромнейшую популярность, его читали во всех домах, писались отзывы в журналах, на Толстого посыпались восторженные письма от знакомых и незнакомых людей. Возникла дискуссия о возможности печатания военных статей в литературных журналах.

Очерк был прочитан Александром II, одобрен и по его приказу переведен на французский язык. Впоследствии «Севастополь в декабре месяце» был переведен на многие языки и получил одобрительные отклики иностранных литераторов.

В связи с тем, что очерк написан на крымском материале, он изобилует крымскими реалиями: Сапун-гора, Северная сторона, «тяжелая маджара» (крымская большая повозка), Графская пристань, Южная бухта, бульвар, упоминаются корабли, принимавшие участие в Севастопольской кампании («Великий князь Константин»). Читатель проходит по городу и узнает улицы Севастополя. По рассказу можно с относительной точностью установить, где располагались те или иные батареи, госпиталь, русские войска.

Таким образом, рассказ, написанный на Крымской земле, в основу которого легли события Крымской войны, явился открытием для русской литературы. Несомненно, что ведущую роль в этом сыграло новое реалистическое описание войны во всем ее ужасе и безобразии, хотя в то же время писателю удалось показать высокий дух русского человека, солдата-патриота.

2. Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого как художественное открытие

Севастопольские рассказы Л. Н. Толстого являются наиболее значимым произведением русской художественной литературы, посвященным Крымской войне 1853–1856 гг. Эта своеобразная трилогия, сыгравшая важную роль в формировании творческой манеры автора, став «творческой лабораторией художественного мастерства» [Смекалина, с. 2]. Толстой — действующий офицер, видевший пули, ядра, кровь, смерть — Севастопольскими рассказами задает высокую планку: о войне пишет непосредственно участвовавший в ней человек — именно поэтому рассказы воспринимались современниками как живые корреспонденции с передовой. Установка на изображение войны «в крови, в страданиях, в смерти» позволяет автору быть предельно честным с читателем, делиться с ним личным военным опытом.

Традиция военной прозы к середине XIX в., безусловно, существовала: «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова, «Дневник партизанских действий 1812 года» Д. В. Давыдова, «Записки кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой и др., однако Толстой, используя художественные образы, предлагает особое изображение войны, военного быта: на бастионах Севастополя происходит совершенствование психологического метода автора. Интуитивно проникая вглубь человеческого сознания, Толстой анализирует каждое чувство, начиная с его первоначальных импульсов. Уже после знакомства с первым Севастопольским рассказом становится очевидно, что причины войны, ход сражений не находятся в центре авторского внимания. Для Толстого оказывается значительно более важным поведение человека на войне. «Мне интереснее знать, каким образом и под влиянием какого чувства убил один солдат другого, чем расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве», — напишет он в одном из черновых редакций своего первого рассказа «Набег» (1852).

Решающим фактором, определяющим исход военного противостояния, для Толстого является не столько работа центрального командования, сколько состояние духа солдат на передовой и гражданского населения осажденного города. Неповторимый духовный подъем защитников города-святыни Толстой описал спустя чуть менее двух недель по прибытии в

Севастополь в письме брату Сергею от 20 ноября 1854 г.: «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо: “Здорово, ребята!”, говорил: “Нужно умирать, ребята, умрете?” — и войска кричали: “Умрем, ваше превосходительство. Ура!” И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а взаправду» [Толстой, т. 59, с. 281].

Психологическое состояние человека, находящегося перед лицом смертельной опасности, в ситуации, когда необходимо убить другого, описывалось Толстым как особое — сложное, в котором естественное, природное и искусственное, напускное зачастую перемешивались. Севастополь находится под постоянными обстрелами, но при этом простые жители и военные зачастую будто бы не замечают войны. Тема привычки очень важна для Толстого — она помогает людям исполнять свой долг. На их лицах, возможно, не видно энтузиазма, их речи лишены патетики и воодушевления, однако они исполнены решимости защищать город — в этом высшее проявление героизма для Толстого.

В «Севастополе в декабре месяце» нет конкретного, но есть обобщенный герой — за ним скрывается и сам Толстой в момент своего прибытия в Севастополь в ноябре 1854 г., и любой наблюдатель, впервые оказавшийся в осажденном городе. Один из любимых приемов Толстого — изобразить восприятие войны глазами новичка или даже невоенного человека. Роль автора в первом рассказе — роль хроникера, спутника подразумеваемого читателя, при обращении к которому он использует форму обобщенного «вы»: «Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас». В этом «вы» отражены общие представления о войне, с которыми Толстой спорит. В сознание обобщенного героя первого рассказа Толстой привносит иллюзорные, романтические представления о войне, ее буднях.

Толстой знакомит читателя с Севастополем, не давая ему возможности что-либо пропустить — даже то, что вызывает страх, чувство брезгливости и стыда. Автор призывает читателя смотреть на ужасы настоящей войны⁷, постоянно преодолевая себя, не отворачиваясь: «Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, — это дурное чувство, — идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли смотреть на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия». Вступая с читателем в военный госпиталь, повествователь будто бы призывает и его к естественности поведения — отречению от эгоизма, вниманию к чувствам и переживаниям раненых: они хотят поделиться своей болью — надо выслушать их, как бы ни было тяжело самому. Это участие, сопереживание, оказанное посетителем раненым солдатам и матросам, как показывает Толстой, не останется вознагражденным. В разговорах участники обороны поделятся с ним своими мыслями и ощущениями, даже не догадываясь, что, по сути, передают глубокие психологические наблюдения, имеющие непреходящую ценность: «Оно первое дело, ваше благородие, не думать много: как не думаешь, оно тебе и ничего. Все больше оттого, что думает человек». В этих словах

⁷ Сохранились отзывы современников Толстого, свидетельствующие о том, что Севастопольские рассказы стали для них чтением поистине пугающим, страшным. Так, А. Ф. Писемский в письме от 26 июня 1855 г. призывает А. Н. Островского прочитать Севастопольские рассказы: «Ужас овладевает, волосы становятся дыбом от одного только воображения того, что делается там. Статья написана до такой степени безжалостно-честно, что тяжело даже становится читать. Прочти ее непременно!» [Писемский, с. 82]. И. С. Тургенев в письме М. Н. и В. П. Толстым от 17 октября 1855 г. называет «Севастополь в декабре месяце» «страшной вещью» [Тургенев, с. 65].

старого солдата речь идет о ране, но, очевидно, совет распространяется на все поведение человека на войне: думать, безусловно, можно, но надумывать, уводя себя в болезненное состояние страха и обреченности, не следует. Эта мысль получает развитие в «Севастополе в августе», где исходит уже от повествователя: «Одна отрада жизни в тех ужасающих условиях отсутствия всего человеческого и безнадежности выхода из них, одна отрада есть забвение, уничтожение сознания».

Для новичка разговоры с простыми солдатами в госпитале становятся не только способом получить информацию из первых уст, перенять их простое, но мудрое восприятие войны, но и услышать живую солдатскую речь. Реплики простых солдат выделяются в общей ткани Севастопольских рассказов фонетически, лексически и грамматически. Толстой бережно передает специфику солдатской речи, стараясь ничего в ней не менять: «На пятом баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился, глядь, а ноги нет». Читатель видит здесь просторечные орфоэпические варианты (баксион, бандировка), этикетное выражение, свойственное солдатской речи (ваше благородие), глагольное междометие (глядь), разговорный союз (ровно как), устойчивое выражение разговорной окраски (таким манером), наименование «он» для врага, выделенное в тексте курсивом (как он ударит меня по ноге) и др. Вводя на страницы Севастопольских рассказов речь простого народа, Толстой при этом «не подделывался под язык народа», «не коверкал, не стенографировал его», а создавал органичный и целостный образ народной речи, служащий ярким средством описания простого солдата.

Композиционно первый рассказ строится как постепенное приближение к самой опасной территории - четвертому бастиону, эпицентру обороны, месту своеобразного боевого крещения, где сам Толстой за все время пребывания в городе проведет около 1,5 месяцев. Повествователь показывает пристань на Северной стороне Севастополя, Графскую пристань, набережную, где рядом с ядрами, пушками и другими приметами войны кипит оживленная торговля; городскую площадь, на которой «езде неприятные следы военного лагеря», - в смешении картин войны и мира видна установка Толстого на создание у читателя сложного, противоречивого впечатления. На пути к четвертому бастиону задействованы почти все органы восприятия спутника повествователя: осязание, зрение, слух, обоняние - это вполне естественно, ведь Севастополь - новое для него место, которое еще только предстоит исследовать. Именно поэтому цель Толстого - воссоздать панораму осажденного города в цветах (в госпитале наблюдатель увидит коричневое тело старого солдата и «белое здоровое тело», в которое проникает нож хирурга, запахах («запах мертвого тела», «запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных»), звуках.

Звуки осажденного Севастополя - в большинстве своем звуки, олицетворяющие саму смерть или ее приближение: звуки стрельбы, выстрелов, жужжание пуль. Автор понимает, что это вполне обычные для войны явления, поэтому пытается усложнить их читательское восприятие: сначала звуки орудий раздаются далеко и вследствие этого кажутся «величественными», «весьма красивыми». Но по мере приближения к бастиону восприятие изменится: «недалекий свист ядра или бомбы неприятно поразит вас», звук выстрелов уже будет казаться «ужасно страшным». Однако и это временно, ведь война изображена Толстым как особое состояние жизни: психология оказавшихся на ней людей меняется - звуки войны, сперва вызывавшие страх, спустя некоторое время рождают совершенно другие, более сложные чувства: так, посвистывание приближающейся бомбы будет ощущаться как «довольно приятное». Несмотря на то, что страх не исчезнет,

ощущение страха соединится с неожиданным для новичка на войне чувством - наслаждением. Обогащают звуковую палитру осажденного Севастополя и другие звуки - с бульвара. Звукам вальса на бульваре «странно вторят» звуки выстрелов, бомбардировок на бастионах - этот прием способствует совмещению в одном художественном пространстве разных локаций и основывается на том, что только слуховые ассоциации дают возможность находиться словно в нескольких местах одновременно.

Однако самым важным инструментом в познании войны становится именно зрение. Неслучайно на протяжении всей «экскурсии» по Севастополю, проведенной повествователем в первом рассказе, более 30 раз прозвучат слова, связанные со зрительным восприятием: «видите» (7 раз), «увидите» (21 раз), «видели» (4 раза). Зрение дает наиболее полную картину происходящего, однако именно оно представляет «ужасные, потрясающие душу зрелища».

Везде, где только возможно, автор Севастопольских рассказов пытался поймать своих героев на фальши, игре, неискренности. Особенно ярко борьба в душах героев изображена Толстым во втором рассказе цикла - «Севастополе в мае».

Уже в первой главе «Севастополя в мае» Толстой обличает неправедных людей, перечисляя их заблуждения: «Тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться». Таким образом Толстой демонстрирует всю тщетность, ненужность каких-либо ожиданий, амбиций.

Толстой показывает, что даже перед лицом смертельной опасности люди не уступают своему самолюбию. Весь осажденный Севастополь - место, где «ежеминутно висит смерть над головой каждого», поэтому автор говорит о том, что тщеславие - «гнусная страстишка») - проявляется в кругу военных не только на бастионах, но и на бульваре, где люди, казалось бы, должны отдыхать от войны, от постоянного напряжения, ощущать себя, насколько это возможно при почти несмолкающем гуле выстрелов, в гармонии с собой и миром. Однако городской бульвар становится пространством со строгой, но при этом совершенно ненужной иерархией - сосредоточием тщеславия и фальши: каждый считает другого лучше себя - аристократом - и старается перед ним показать себя не таким, какой есть на самом деле. Подлинный героизм, истинная храбрость, с точки зрения Толстого, были возможны только вне проявлений тщеславия - «особенной болезни века». Именно тщеславие, самолюбие людей на войне, а не сама война становится ключевой темой «Севастополя в мае», где в отличие от первого рассказа уже нет того ощущения патриотического подъема, воодушевления, уверенности, что город сдать нельзя.

Тщеславие может выражаться во множестве, казалось бы, незначительных условностей: принужденные улыбки, нарочито грубое обращение с низшими чинами, разговоры «не своим голосом». Их соблюдение, как замечает Толстой, делает отношения между людьми совершенно неестественными, приводит к тому, что люди постоянно лицемерят: так, капитан Обжогов ненавидит Михайлова за внешние признаки аристократизма («чистую шинель и перчатки») и одновременно уважает, Михайлов в свою очередь «не совсем хорошо расположен» к Калугину, но в то же время его боится.

Условности властвуют, однако, не только во время прогулок по бульвару, но и во взаимодействии между военными при выполнении ими своих непосредственных обязанностей. Например, когда во время чаепития в комнату входит пехотный офицер, Калугин разговаривает с ним «с оскорбительной учтивостью и натянутой официальной улыбкой», давая ему понять, что он, не знающий французского, не имеющий перчаток, совершенно ничтожен. Однако все меняется, когда сражение входит в активную фазу и тот же самый офицер вновь приезжает к генералу: он

уже ведет себя не робко и застенчиво («Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген... к его превосходительству» (104)), не просит, а как власть имущий - требует («Генерала нужно»). В этот момент — перед лицом смерти и опасности - условности, которые делали пехотного офицера.

В Севастопольских рассказах, особенно во втором и третьем, поведение человека в бою, его чувства в момент столкновения с опасностью лицом к лицу становятся предметом особого авторского интереса. Ключевым состоянием, в котором находятся персонажи во время сражения, у Толстого является бессознательность. У героев Севастопольских рассказов нет никакого плана действий при вступлении в сражение, они, по сути, зачастую не знают, как будут вести себя в бою. Так, юнкер Пест в «Севастополе в мае» во время выхода своего батальона из-за бруствера в открытое поле не принимал никаких самостоятельных решений: он встал на указанный фланг, «решительно не отдавая себе отчета, где и зачем он был». В описании последовавших затем действий и собственно участия Песта в бою бессознательность его состояния все более усиливается: он смотрел перед собой «бессознательно», «не помнил, долго ли? куда? и кто, на что?», шел «как пьяный». Особенно выразительно ощущения Песта передаются большим количеством неопределенных местоимений, постоянно появляющихся в нескольких предложениях подряд: «затрещало что-то», «он побежал куда-то», «он упал на что-то», «на него наскочил какой-то человек». В череде этих лишенных конкретности событий юнкер перестает осознавать самого себя настолько, что, убив француза, даже не понимает этого: «Кто-то взял ружье и воткнул штык во что-то мягкое». Содеянное отрезвляет Песта и впервые в описании его поведения на поле боя появляется слово «понял», свидетельствующее о рациональном осмыслении происходящего. Описывая бессознательное состояние барона и его незамедлительную реакцию после убийства француза («он затрясся, как в лихорадке, и бросил ружье»), Толстой стремится показать противоестественность войны и убийств для истинной человеческой природы, однако в то же время демонстрирует, что тщеславие, личностные устремления мгновенно побеждают любые проявления божественного начала.

Не менее важной причиной поражения явилось и плохое снабжение русской армии, в том числе оружием (не говоря уже о качественной разнице вооружений: русские гладкоствольные ружья против английских и французских штуцеров). Михаил Козельцов встречает знакомого верхового, который ночью едет на Северную сторону лишь для того, чтобы привезти на бастионы патроны, которых осталось ничтожно мало: «штурма ждем с часу на час, а по пяти патронов в суме нет. Отличные распоряжения!». Очевидно, столь будничное, будто бы спокойное сообщение верхового должно показать читателю, что подобные ситуации типичны.

Основная причина проблем с вооружением и многих других для Толстого очевидна - коррупция. Заведующий полковым обозом живет в огромном новом балагане, в котором висят дорогие, хоть и необходимые исключительно для практических целей ковры, а на кровати лежит енотовая шуба - одежда, в которой, очевидно, нет необходимости летом. Однако самым достоверным свидетельством неподобающего использования денег становится не столько роскошная обстановка, предметы интерьера, сколько поведение самого Василия Михайлыча: «как будто пойманный на воровстве, весь покоробился, увидав гостя»; «сказал он, упрятав деньги в шкатулку».

Рассказ «Севастополь в августе 1855 года» создавался уже ретроспективно (был закончен в декабре 1855 г.), когда Толстой находился в Петербурге и война в восприятии современников уже была завершена - именно поэтому осмысление причин поражения стало возможным. Оставление Севастополя, которое многие из участников обороны рассматривали как предательство,

безусловно, и для Толстого, очевидца этого события (приехал в Севастополь незадолго до последнего штурма), было поистине трагическим событием. Однако в изображении гибели Михаила Козельцова, в описаниях прощания отступавших с городом Толстой показал и высокое гражданское чувство защитников города, знаменующее осознанием исполненного долга.

Созданный Толстым цикл из трёх рассказов соединяет художественную и очерковую (документальную, публицистическую) составляющие и демонстрирует становление творческой манеры автора, формирование способа осмысления им действительности, философских воззрений на войну и мир как состояния человеческого общества.

3. Исторический и литературный контекст произведения

Для подтверждения гипотезы я провела сравнительный анализ различных источников информации с текстом произведения Л.Н. Толстого. Среди источников информации – исторические монографии, воспоминания современников, участников боевых действий, справочные издания.

Анализируя это произведение, я пришла к выводу, что Л.Н.Толстой мастерски показывает несколько аспектов обороны Севастополя 1854–1855 годов: военные действия, жизнь и быт осаждённого города и его защитников, участие сестёр милосердия в оборонительных действиях.

Одной из самых трагических страниц обороны Севастополя являлась его еженедельная бомбардировка. Красной нитью в произведениях Толстого проходит упоминание о постоянных бомбёжках города. Автор постоянно обращается к этой теме через разговоры и переживания солдат и офицеров, описание разрушенных улиц. Герои произведения ощущают свою незащищённость и страх перед натиском врага. Это не является художественным вымыслом и преувеличением писателя. Об интенсивности бомбёжек свидетельствуют многочисленные источники: энциклопедии, исторические монографии и статьи. Например, в «Школьной энциклопедии. История России 18-19 век» говорится: «... в августе союзники в пятый и шестой разы бомбили Севастополь, по городу выпустили 150 тыс. снарядов. Ядрами были буквально срыты укрепления 8 Малахова кургана и 2-го бастиона. Защитники города гибли по 2-3 тыс. человек в день» [5, с.555].

По словам Е.В. Тарле, «в первые дни этой августовской бомбардировки таких огромных ежедневных потерь ещё не было, но укрепления уничтожались одно за другим. С ночи на 24 августа бомбардировка не слыхано усилилась. В среднем, каждые сутки, погибало до 2500 и более защитников города» [6, с.450].

Ежедневные бомбардировки Севастополя влекли массовую гибель как военных, так и мирного населения. Для оказания медицинской помощи была привлечена община сестёр милосердия под руководством великого хирурга Николая Ивановича Пирогова. Вместе с Н. И. Пироговым, прибывшим из мирного Петербурга в ноябре 1854 г., приехали также несколько его коллег хирургов и отделение сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины - первой в России группы сестёр милосердия. Сёстры милосердия тех лет - незамужние и вдовы дворянского происхождения в возрасте от 20 до 40 лет. Стать сестрой милосердия Крестовоздвиженской общины можно было только после двухлетнего испытательного срока по уходу за больными. Затем женщины проходили обучение в специальных медицинских учреждениях. Работа была безвозмездной, в качестве оплаты тяжёлого труда по уходу за больными и помощи при операциях выступали питание и одежда.

Участие сестёр милосердия в военных событиях нашло отражение в «Севастопольских рассказах», например, в рассказе «Севастополь в августе 1855 года». Герои рассказа, два брата Козельцовы, навещают раненого товарища: «Войдя в первую комнату, ...пропитанную этим тяжёлым, отвратительноужасным гошпитальным запахом, они встретили двух сестёр милосердия...»⁸. Описывая женщин, Толстой говорит об их манере держаться, нежности лиц и знании французского языка. Это описание свидетельствует о дворянском происхождении сестёр милосердия.

В очерке «Севастополь в декабре месяце» Толстой описывает помещения дома севастопольского Собраниа, отданные для медицинских целей. Писатель не только изображает раненных солдат и медицинский персонал - врачей, 9 фельдшеров и сестёр милосердия, но и показывает условия, в которых работали медики: «тяжёлый запах мёртвого тела сильнее поражает вас»; «ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции»; «увидите войну в настоящем её поражении – в крови, в страдании, в смерти...»⁹. Эти описания не только художественно-реалистичны, но и подтверждены историческими исследованиями. Так, в монографии российского и советского историка, академика АН СССР Е.В. Тарле говорится о трудностях оказания медицинской помощи: «...врачи и сестры могли помогать не иначе, как стоя на коленях в грязи».[6, с. 460]

О тяжёлых условиях труда сестёр милосердия говорится и в статье М.М.Шитовой: «Привыкшие к чистоте и уюту; воспитанные, хорошо образованные дворянки, столкнулись с суровыми условиями военного времени: грязь, кровь; острый недостаток питьевой воды, еды, медикаментов, мест для размещения раненых и больных в лазаретах; тяжелая работа... Это было тяжелым психологическим испытанием для каждой из медсестер, попавшей на войну. Женщины рисковали своей жизнью ради жизни других, работая под вражескими пулями и ядрами» [8, с.253, 254].

Описание труда медиков можно найти и в рассказе «Севастополь в мае»: «лужи крови, видные на местах незанятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный, тяжелый, густой, вонючий смрад... Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате. Сёстры, с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слёзного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубашками» [7, с. 273].

Это описание почти полностью совпадает с воспоминаниями одной из сестёр милосердия в письме к родным: «Вся операционная комната была уложена этими страдальцами; весь пол был залит кровью, и мы стояли в крови... мы были так заняты и увлечены, что не обращали внимания на сильную бомбардировку... Обязанность сестёр поить раненых чаем, ставить рожки, помогать при операциях...». Таким образом, участие сестёр милосердия стало одной из героических страниц обороны Севастополя.

⁸ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 4. Севастопольские рассказы: в 90 тт. Т. 4. М.: Гос. изд. Художественная литература», 1937

⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 4. Севастопольские рассказы: в 90 тт. Т. 4. М.: Гос. изд. Художественная литература», 1937

Несмотря на ожесточённое сопротивление русских солдат, их мужество, в конце августа 1855 начался штурм Севастополя. Толстой в рассказе «Севастополь в августе 1855» так описывает это трагическое событие: «Пули свистели не по одной, как штуцерные, а роями, как стадо осенних птичек пролетает над головами... французы бежали к бастиону по чистому полю и как толпы их с блестящими на солнце штыками шевелились в ближайших траншеях».

Подтверждение этому описанию мы находим в монографии Е.В. Тарле: «В полдень грянули разом три залпа из всех неприятельских орудий, и французы внезапно, выйдя из траншей, беглым шагом устремились на Малахов курган... Как бы густо не летели пули, но обыкновенно слышится некоторая раздельность свиста одной из них от свиста другой. Здесь же слышалось сплошное шипение; казалось, что поток пуль как бы струится; ощущалось какое-то течение свинца.».

В результате штурма ключевая позиция, Малахов курган, была взята 8 сентября 1855 г., и российское командование приняло решение покинуть город и перейти на Северный берег Севастопольской бухты. Последние оставшиеся на рейде боевые корабли были затоплены русскими моряками.

Л.В. Толстой в своём рассказе «Севастополь в августе 1855 года» пишет: «При свете зарева пожаров видны были мачты наших утопающих кораблей, которые медленно, глубже и глубже, уходили в воду» [7, с.356]. Подтверждение этому факту мы находим в монографии академика Е.В. Тарле: «В ночь с 27 на 28 августа русские потопили шесть кораблей – «Париж», «Храбрый», «Константин», «Мария», «Чесма», «Иегудиил» и фрегат «Кулевичи»» [6, с.465].

У Л.Н.Толстого находим описание того, как «севастопольское войско» [7, с.357] покидало осаждённый город: «... на пароходе, наполненном солдатами, пушками, лошадьми и ранеными, переправлялся на Северную. ... чувство 11 самосохранения и желания выбраться как можно скорее из этого страшного места смерти присутствовала в душе каждого. ... Но за эти чувства было другое... как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам». [7, с.355-358].

Такое же описание напряжённой психологической обстановки мы находим в строках Е.В.Тарле: «Последние отряды переходили на Северную сторону... Тихо, без шума и толкотни шла вся эта масса: до того сильно было впечатление переживаемого. Как много величественного и поражаемого своим внутренним трагизмом было в этой картине. Солдаты угрюмо и молча покидали Севастополь» [6, с.464].

2.1. «Севастополь в декабре месяце»

В рассказе «Севастополь в декабре месяце» Толстой передал свои первые впечатления. Впервые увидела Россия осаждённый город в его величии.

В рассказе изображён момент некоторого ослабления и замедления военных действий между кровавой битвой под Инкерманом 5 ноября 1854 года и битвой под Евпаторией 17 февраля 1855 года. Сражение у Балаклавы 13 октября 1854 года сложилось в пользу русских, но на помощь англичанам пришли французы. Сражение под Инкерманом закончилось поражением русских войск. Война приобрела затяжной характер.

Главные эпизоды рассказа:

1. Описание фушштатского солдата.
2. Посещение госпиталя и операционной.

3. Описание IV бастиона.

Толстой изображает войну без прикрас, без громких фраз, сопровождавших официальные известия о Севастополе на страницах журналов и газет. Он стремился дать полную панораму войны, осознавая, что «надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем является народ русский».

Рассказ является своеобразным путеводителем по осаждённому городу. Это особенно подчёркивается формой личного местоимения «вы» в определении лица, от которого ведётся рассказ. Это и повествователь, и читатель: «Вы подходите к пристани...», «Вы отчалили от берега...», «вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом». Повествование ведётся так, что читатель как бы является очевидцем, участником событий, он как будто ощущает то же, что и защитники города.

Писатель заметил множество деталей военного быта, многие из которых пришлось по вкусу тогдашней петербургской цензуре.

- «Стоптаные в разные стороны каблуки» - на сапогах боевого пехотного офицера
- Старая шинель старого лилового цвета
- Грязная постель с ситцевым одеялом в блиндаже
- Узелок с провизией, из которого торчит «конец мыльного сыра и горлышко портерной бутылки с водкой»

• У армейского офицера не может быть чистых перчаток и новенькой шинели в отличие от интендантских казнокрадов и штабных щёголей.

Перед нами предстают страницы с описанием защитников Севастополя:

- фурштатский солдатик
- общее о защитниках Севастополя
- госпиталь и операционная (раненые солдаты в госпитале делятся впечатлениями; потерявший ногу боли не помнит, так как не думал о ней; в относившую мужу обед на бастион женщину, попал снаряд, и ей выше колена отрезали ногу. Операции и перевязки делают в отдельном помещении. Ожидающие очереди раненые видят в ужасе, как доктора ампутируют ноги и руки их товарищам, а фельдшер бросает равнодушно в угол отрезанные).

- четвёртый бастион

На 4 бастионе вместе с Львом Толстым сражались простые русские солдаты. В 1911 году первые русские операторы засняли оставшихся в живых защитников Севастополя, сохранив их лица для истории. На групповом портрете художника Тима среди участников обороны можно увидеть рядовых: Афанасия Елисеева, Петра Кошку, Фёдора Заику, Ивана Демченко. Сколько в их лицах решимости, отваги и грусти.

«Когда кто-нибудь говорит, что он был на IV бастионе, он говорит это с особым удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «Я иду на IV бастион» - непременно заметны в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «Тебя бы поставить на IV бастион», когда встречаются носилки и спрашивают: «Откуда?» - большей частью отвечают: «С IV бастиона». Вообще же существуют два совершенно различных мнения про этот страшный бастион: тех, кто никогда на нем не был и которые убеждены, что IV бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него, и тех, кто живёт на нем и скажут вам, сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке.

Так вот он, IV бастион, это действительно ужасное место. Там вы увидите пластунов черноморских батальонов, которые здесь живут, курят трубки... Вглядитесь в лица: в каждой

морщине, в каждом движении видны главные черты, составляющие силу русского – простоту и упрямство..., следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства».

В словаре Даля сказано так: «Пластун – пеший запорожский застрельщик, ныне так называют черноморских казаков. Пластуны лежат пластом в трупобах, плавнях, камышах, выжидая неприятеля...»

В обороне Севастополя приняли участие два пеших пластунских батальона. Внешний вид пластунов производил невыгодное впечатление – они были «в изношенных полуазиатских костюмах, т.е. чекменях, папахах, шароварах различных цветов и узоров; им было в среднем от 30 до 50 лет и они отличались малорослостью. Но скоро насмешки сменились искренним уважением – пластуны были необыкновенно выносливы, метки в стрельбе, умелы в разведке». Они были переведены на самый опасный IV бастион. После севастопольских событий о них узнали все. Их увековечил художник В. Серов в картине «Пластуны под Севастополем». Остались они и в поэзии.

Будничная, внешне беспорядочная суэта города, ставшего военным лагерем, переполненный лазарет, удары ядер, взрывы гранат, мучения раненых, кровь, грязь, смерть – вот та обстановка, в которой защитники Севастополя просто и честно, без лишних слов выполняли свой тяжёлый труд.

«Из-за креста, из-за названия, из-за угрозы не могут принять люди эти ужасные условия, должна быть другая, высокая побудительная причина, – говорил Толстой. – И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого – любовь к родине».

В очерке «Севастополь в декабре месяце» Толстой описывает помещения дома севастопольского Собрания, отданные для медицинских целей. Писатель не только изображает раненных солдат и медицинский персонал – врачей, фельдшеров и сестёр милосердия, но и показывает условия, в которых работали медики: «тяжёлый запах мёртвого тела сильнее поражает вас»; «ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции»; «увидите войну в настоящем её поражении – в крови, в страдании, в смерти...». Эти описания не только художественно-реалистичны, но и подтверждены историческими исследованиями. Академик, российский и советский историк Е.В. Тарле говорил в своей монографии о трудностях оказания медицинской помощи: «...врачи и сестры могли помогать не иначе, как стоя на коленях в грязи» и называл «Севастопольские рассказы» правдивым историческим документом, современники воспринимали их как «корреспонденции с военных действий». Печатались они в журнале «Современник».

Художественное повествование позволило автору создать образный мир мужества и героизма, передать своё восхищение русскими людьми, защищающими свою родину. Он убеждён в «...невозможности поколебать где бы то ни было силу русского народа». Но писатель не может удержаться и от осуждения войны как таковой: вы «увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем..., а увидите войну в её настоящем выражении – в крови, в страданиях, в смерти».

Чем дальше затягивалась осада, тем очевиднее ощущал Толстой внутренний разлад и неподготовленность государства к войне. «Больше, чем прежде убедился, - записывает он в дневнике, - что Россия или должна пасть, или совершенно преобразоваться. Всё идёт навыворот... Грустное положение – и войска, и государства». Как истинный патриот, Толстой готовит записку царскому правительству, в которой пишет о катастрофическом положении в армии. Но вскоре писатель убеждается в бесполезности этой меры и решает рассказать правду о Севастополе всей

общественности, используя форму художественного повествования. Так появляются ещё два рассказа: «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе».

2.2 «Севастополь в мае»

В мае 1855 года произошла кровавая битва гарнизона против всей армии неприятеля.

Главные моменты рассказа:

1. Рассуждение Толстого о пехотных офицерах.
2. Сцена, когда офицер укоряет солдата.
3. Описание раненных.
4. Сцена перемирия.
5. Изображение десятилетнего мальчика на поле среди убитых.

В рассказе Толстой описывает краткое перемирие, объявленное после битвы 26 мая – 7 июня, чтобы успеть убрать и схоронить множество трупов, покрывавших землю. Как всегда, автор строжайше правдив в описании всего происходящего.

Главная мысль – об ужасе войны, о ее противоестественной сути. Цель Толстого – предельно правдивое изображение войны в крови и страданиях.

Описание труда медиков можно найти и в рассказе «Севастополь в мае»: «лужи крови, видные на местах незанятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный, тяжелый, густой, вонючий смрад... Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате. Сёстры, с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слёзного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами».

Это описание почти полностью совпадает с воспоминаниями одной из сестёр милосердия в письме к родным: «Вся операционная комната была уложена этими страдальцами; весь пол был залит кровью, и мы стояли в крови... мы были так заняты и увлечены, что не обращали внимания на сильную бомбардировку... Обязанность сестёр поить раненых чаем, ставить рожки, помогать при операциях...». Таким образом, участие сестёр милосердия стало одной из героических страниц обороны Севастополя.

Одной из ведущих тем рассказа «Севастополь в мае» становится тема осуждения войны. Толстой рисует войну как безумие, заставляющее усомниться в разуме людей. Он судит о войне с нравственной точки зрения, показывает её влияние на человеческую мораль.

Что Л.Н.Толстой думает о войне? Какова его точка зрения?

Ответ звучит в самом тексте рассказа: «Война есть убийство. И сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство всё равно самый худший грех в мире».

Впервые в «Севастопольских рассказах» возникает тема наполеонизма и маленьких наполеонов. Наполеон ради своего честолюбия губит миллионы, а какой-нибудь прапорщик Петушков, этот «маленький Наполеон, маленький изверг, сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтобы получить лишнюю звёздочку или треть жалованья».

2.3. «Севастополь в августе 1855 года»

В конце августа 1855 года началась последняя, самая ожесточённая бомбардировка Севастополя. Это самый страшный месяц долгой осады, окончившейся падением Севастополя. 800 орудий беспрестанно громили город. Потери защитников составляли 2-3 тысячи человек в день. 27 августа начался общий штурм. После захвата господствующей высоты – Малахова кургана – дальнейшая оборона потеряла всякий смысл. Так закончилась 349-дневная оборона. «Севастополь в августе 1855 года» посвящён именно последнему периоду обороны. Война в третьем рассказе показана глазами новичка, потому что главным для автора здесь является исследование души человека на войне перед опасностью.

Главные эпизоды рассказа:

1. Описание солдат.
2. Изображение места битвы.
3. Рассуждение о природе подвига.
4. История братьев Козельцевых.
5. Поведение людей.
6. Штурм.

В рассказе «Севастополь в августе 1855 года» звучат следующие слова: «Почти каждый солдат, взглянув с северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам». «На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя».

Несмотря на сцену поражения, весь рассказ пронизан убежденностью Толстого в героизме русского народа.

Ежедневные бомбардировки Севастополя влекли массовую гибель как военных, так и мирного населения. Для оказания медицинской помощи была привлечена община сестёр милосердия под руководством великого хирурга Николая Ивановича Пирогова. Вместе с Н. И. Пироговым, прибывшим из мирного Петербурга в ноябре 1854 г., приехали также несколько его коллег-хирургов и отделение сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины — первой в России группы сестёр милосердия. Сёстры милосердия тех лет - незамужние и вдовы дворянского происхождения в возрасте от 20 до 40 лет. Стать сестрой милосердия Крестовоздвиженской общины можно было только после двухлетнего испытательного срока по уходу за больными. Затем женщины проходили обучение в специальных медицинских учреждениях. Работа была безвозмездной, в качестве оплаты тяжёлого труда по уходу за больными и помощи при операциях выступали питание и одежда.

Участие сестёр милосердия в военных событиях нашло отражение в «Севастопольских рассказах», например, в рассказе «Севастополь в августе 1855 года». Герои рассказа, два брата Козельцовы, навещают раненого товарища: «Войдя в первую комнату, ...пропитанную этим тяжёлым, отвратительно-ужасным гошпитальным запахом, они встретили двух сестёр милосердия...». Описывая женщин, Толстой говорит об их манере держаться, нежности лиц и знании французского языка. Это описание свидетельствует о дворянском происхождении сестёр милосердия.

Заканчивается рассказ анализом душевного состояния солдат, вынужденных оставить после одиннадцатимесячной обороны Севастополь. Толстой и его товарищи, покидая Севастополь, плакали. Слезы боли и гнев, скорбь о погибших героях, проклятие войне, угроза захватчикам.

«Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам».

Главная мысль, высказанная автором – мысль о жестокости любой войны.

Истинными героями Севастопольской эпопеи являются солдаты, близкие к ним офицеры, жители города, - одним словом, русский народ.

Героическая оборона Севастополя в 1854-55 годах, и не менее величественная оборона этого же города в 1941-42 гг. доказала еще раз, что русский народ всегда умел любить и защищать свое Отечество, и через всю историю пронес героические традиции русского оружия.

Толстой в своих произведениях прославил две русские национальные эпопеи: героизм в обороне Севастополя и позднее, в романе-эпопее «Война и мир» победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года.

Писатель, преклоняясь перед народом, его выносливостью и мужеством, осуждает войну как средство решения спорных вопросов между государствами. Толстой отрицает захватнические войны как состояние, чуждое человеческой природе. Война, по его мнению, ожесточает человека, убивает в нём любовь к людям, без чего невыносима жизнь. Кроме того, война лишает человека способности наслаждаться окружающим миром, природой, так как он (человек) сосредоточен на себе, желает одного – не быть убитым. Наконец, война извращает моральные представления людей. Словом, она «есть сумасшествие», и если «люди делают это сумасшествие, то они не разумные создания, как у нас почему-то принято думать».

4. Вклад Л.Н. Толстого в развитие военной публицистики

Публицистическая и журналистская деятельность Льва Николаевича Толстого была наряду с писательством его основной деятельностью. Это прослеживается и на всех этапах его творческой биографии, включая те годы, когда он служил в армии, и во время педагогической деятельности. Он сам стремился к ней.

Толстой, как и большинство писателей, публицистов, журналистов, затем и политиков того времени, был литератором. Даже в начале XX в. журналистом называли поденщика, информационного ремесленника. Человек с образованием или талантом именовал себя литератором, т. е. он одновременно мог писать тексты разного жанра: передовики, романы, стихиры, повести, драму, сатиру, очерк, фельетон, рецензию, статью и хронику. В этом смысле Толстой оставил не менее разнообразное наследие: от романа-эпопеи до повести и рассказа, от обозрения и статьи до заметки, от сказки и песни до народного рассказа.

Довольно точно можно определить время рождения военной журналистики – это Крымская (Восточная) война 1853-1856 гг., в которой Россия противостояла объединенной Европе. В эпоху Крымской войны основные ее участники – Россия, Англия и Франция – предприняли первый опыт в сфере военной журналистики. Результат оказался очень разным, но так или иначе отразился на дальнейшем развитии этой сферы.

Л.Н. Толстой не был в чистом виде журналистом, в годы Крымской войны он был военным, кадровым офицером. Но даже в самой среде участников боевых действий рождались проекты специальных военных изданий. Имеется в виду, проект над которым работал Л. Н. Толстой и его сослуживцы: издание, которое предполагалось назвать сначала «Солдатским вестником», потом – «Военным листком».

В России в этот период была жесточайшая цензура. Число периодических изданий было чрезвычайно мало. Военную информацию имели право публиковать только две газеты – «Русский инвалид» и «Северная пчела». Все остальные издания или вообще не имели права печатать подобную информацию, или довольствовались перепечатками из этих двух изданий.

В мемуарных свидетельствах тех лет то и дело встречаются выражения: «Говорят, что...», «Ходят слухи...», «Рассказывают...», «Пишут из Москвы...», «Пишут из Петербурга...». Это говорит о том, что прочитать где-то реальную информацию о войне практически невозможно. Поэтому люди довольствовались только слухами. И дело было не в том, что редкие газеты и журналы располагали правом печатать эту информацию, а дело в том, что цензура просто не пропускала те или иные материалы.

«Но что нам печатают за донесения Меншикова! Это возмутительно читать! Из них делают такие сокращенные извлечения в строчек пять, так что решительно не можешь себе составить настоящего понятия. Это уже слишком пренебрежительно или даже злонамеренно. Кажется, нарочно хотят нас оставить в неизвестности, в страхе... Если б у нас печатался целый ряд писем о Севастополе, в которых бы толковалось и об успехе и неуспехе... Запрещено печатать что-либо, даже акты и документы, касающиеся до смутного времени России, также все относящиеся до быта русского народа, даже собрания преданий, песен и т.д. Неужели они думаю такими мерами остановить смуты!» (Дневник Веры Сергеевны Аксаковой).

Поэтому многие, кто мог себе позволить, выписывали иностранные издания. Но, на самом деле, иностранные издания тоже приходи с большим опозданием в Россию, подвергались цензуре, то есть целые страницы вымарывались и вытирались, чтобы россияне не смогли прочитать всей правды о войне.

Журналист и публицист А.И. Герцен писал в Лондоне, уже во время эмиграции, «...до 1848 года русская цензура была крута, но всё-таки терпима, то после 1848 года там уже нельзя было печатать ничего, что мог бы сказать честный человек» (Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. – Т.12: Произведения 1852-1857).

И вот в этих жесточайших условиях отечественным газетам и журналам, следовательно и журналистам, публицистам, писателям было очень сложно и они пытались лавировать как могли. Писали между строк, писали намёками, кто как выкручивался из этого положения.

А между тем война шла и читатель нуждался в информации как никогда остро. «Болен Севастополем! Лихорадочно думаю с вечера о предстоящем на следующее утро приходе почты. Лихорадочно ожидаю утром принесения газеты. Иду навстречу тому, кто их несет в мой кабинет; стараюсь получить их без свидетелей: досадно, если кто-нибудь помешает мне встретиться наедине с вестью из края, куда переносится, где наполовину живет моя мысль... Всему другому хочется сказать: теперь не время!» (Дневник графа Петра Александровича Валуева, «Русская старина»).

До Крымской войны и в ее первый год было принято публиковать исключительно сухие сводки, запоздавшие официальные сводки без батальных подробностей. А вот уже о сражениях под Севастополем, это конец 1854 года – начало 1855 года, пресса уже доносила детальную информацию. Это объяснялось, с одной стороны, технической стороной вопроса – появился телеграф, а с другой стороны, тем, что изменилась роль журналиста и периодической печати.

В бесконечных жестких цензурных ограничениях журналистика искала новые формы, искала новые жанры для того чтобы подавать ту или иную информацию. Российская журналистика искала жанры и формы, которых не было раньше и преобразовывала военную

информацию, военные сводки в те жанры, которые навсегда вошли в историю, навсегда вошли в культуру, а соответственно и в память русского народа.

В 1855 году, в самый трагичный год Крымской кампании, литературно-политический журнал «Современник», который издавался в Санкт-Петербурге И.И. Панаевым и Н.А. Некрасовым, получил цензурное разрешение на печатание военных материалов. Для этого И.И. Панаев в мае 1855 года написал лично письмо в Главное управление цензуры, в котором доказывал, что печатание военных материалов, статей должно быть разрешено всем журналам без исключения, так как патриотизм – это не монополия. «Если литературные журналы будут вовсе лишены права рассказывать о подвигах наших героев, быть проводниками патриотических чувств, которыми живёт и движется в эту минуту вся Россия, то оставаться редактором литературного журнала будет постыдно». И по представлению министра народного просвещения А.С. Норова было высочайше разрешено двум журналам – «Современнику» и журналу «Отчественные записки» - перепечатывать известия из «Русского инвалида» и печатать повести из военного быта. Но с некоторым условием: с прохождением одновременно двойной цензуры (общей и военной).

В 1855 году, на второй год войны, впервые «Современник» публикует в переводе на русский язык воспоминания пленника-очевидца из английского лагеря Альфреда Ройера, которые называются «Пленные англичане в России». Начинает систематически, постоянно, из номера в номер публиковать хронику военных действий. Хроника военных действий, по сути, - это первая написанная история Крымской войны. Это сухая хроника, где написано, что и когда произошло, какое сражение, сколько людей погибло, с какой стороны, кто командовал сражениями, то есть – это сухая военная сводка.

Но, кроме всего прочего, «Современник» предпринимает попытку публиковать письма очевидцев. И это очень ценно. Журнал публикует письма очевидцев, пришедшие из Симферополя, Севастополя, Керчи, Еникале. Он публикует письма сестер милосердия. Эти письма очень ценны тем, что они репортажны, то есть – это свидетельства людей, которые видят войну своими глазами, которые участвуют в этой войне: письма родственникам, письма сестер милосердия, которые ухаживают за ранеными.

В 1855 году в «Современнике» были опубликованы две статьи. Одна называется «Пластуны», ее написал А.С. Афанасьев-Чужбинский и вторая статья называется «Зуавы» - это переводная статья, которую приписывают герцогу Омальскому.

Кто такие пластуны и зуавы? Пластуны – это казаки, которые набирались для «пеших» войск. Эти люди не имели возможности приобрести себе коня. По сути это была пехота, но пехота очень смелая, очень отважная. Пластуны делали вылазки ночью, по-пластунски подползали к неприятельским батареям и нападали на них. Зуавы – тоже относились к пехоте. Легкая французская пехота, набранная большей частью из алжирцев. Это были очень смелые, отчаянные, сильные, ловкие люди, но, честно говоря, настоящие головорезы. Эти головорезы составляли один из самых мощных и сильных отрядов французской армии.

«Современник» друг за другом публикует статьи, рассказывающие о самых сильных отрядах русской и союзной армии. Для чего? Читатель должен знать как и с кем воюет российская армия.

Также в этом году в «Современнике» был опубликован рассказ «Ночная вылазка в Севастополе» А.Д. Столыпина. Были опубликованы «Солдатские мемуары» - это рассказы о войне Н.П. Сокальского. Но, самое главное, что впервые в «Современнике» увидели свет рассказы Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы».

Л.Н. Толстой был кадровым военным. Среди военных рождается идея издавать военный журнал или журнал, который будет с военной направленностью. Придумал его Толстой, но он подбил на это дело многих своих сослуживцев, приятелей, которые вместе с ним находились сначала в Кишиневе, а потом в Севастополе.

Сначала издание предполагалось назвать «Солдатским вестником», потом – «Военным листком».

9 сентября 1854 года Толстой приехал в Кишинев, куда была переведена главная квартира русской армии. Положение становилось все тревожнее и тревожнее, эпицентр событий сдвигался к Крыму, произошла высадка англо-французско-турецких войск под Евпаторией. Именно тогда, в сентябре 1854, Лев Николаевич Толстой и шестеро его друзей-офицеров, «выдающихся людей» - как потом писал Толстой, задумали общество для содействия просвещению и образованию среди войск. Но от этого замысла, создания целого общества, они вскоре отказались и перешли к плану издания журнала. Журнал решили назвать «Солдатский вестник»

В ноябре Толстой, когда он уже переехал в Крым, в письме к брату Сергею писал следующее: «Теперь расскажу, каким образом ты в печати будешь от меня же узнавать о подвигах этих вшивых и сморщенных героев. В нашем артиллерийском штабе, состоящем ...из людей очень хороших и порядочных, родилась мысль издавать военный журнал, с целью поддерживать хороший дух в войске, журнал дешевый (по 3 р.) и популярный, чтобы его читали солдаты».

По проекту, среди пунктов, определяющих цель издания, были следующие:

- планировалось публиковать сведения о военных событиях, по сути те же сводки боевых действий;
- «познание о специальных предметах воинского искусства»;
- Сведения о достоинстве военных сочинений;
- «доставление занимательного, доступного и полезного чтения всем чинам армии»;
- «улучшение поэзии солдата, составляющей его единственную литературу, помещением в Журнале песен, писанных языком чистым и звучным, внушающих солдату правильные понятия о вещах и более других исполненных чувствами любви к Монарху и Отечеству»

По сути, было решено публиковать то, что поднимет боевой дух, настроит на победу простого обычного человека, простого солдата.

Толстой называет фамилии издателей единомышленников. Обратим внимание, что все они не выше обер-офицерских чинов: от капитана до поручика. Капитаны А.Я. Фриде, А.Д. Столыпин, штабс-капитаны И.К. Комстадиус, Л.Ф. Боллюзек, поручики Шубин, Бобрыкин и др. Вполне понятно с кем он собирается реализовывать это издание. Между всеми ними были распределены свои задачи, свои роли: кто и что в этом издании пишет, кто за какой раздел отвечает. Кроме того, в планы издателей были посвящены и обещали свою помощь и сотрудничество полковники Е.П. Ковалевский, Н.А. Крыжановский, П.К. Меньков. «Сверх сего», отмечено в Проекте, «редакция будет покорно просить принять участие в Журнале» 16 генералов и полковников армии, а также преосвященного Иннокентия и высокопреосвященного Филарета». Это говорит о том, что журнал планировался не столько литературным, сколько документально-историческим, чтобы не перевернуть какие-то факты, не исказить события, которые будут отражены в этом журнале.

Толстой создал себе круг тех, кто будет, в том числе, цензурировать это издание, прочитывать на предмет достоверности. Цель – не просто написать что-то, а детально выверить всю информацию, проконсультироваться с теми, кто в этом участвует, кто создает эту историю.

Журнал, который задумал Толстой, должен был выходить еженедельно, объемом до печатного листа. Печатный лист сегодня – это 16 страниц машинописного текста. Во времена Толстого печатный лист доходил до 25 страниц. Следует помнить, что Толстой не приехал в Севастополь корреспондентом, он приехал военным и это нужно учитывать.

Но военные события приобретали критический характер и, видимо, под влиянием этих событий у Толстого вызревает решение изменить название задуманного журнала с «Солдатского вестника» на «Военный листок». Вестник – это более широкое понятие, а листок – по объему мог быть меньше. Должен был и меняться формат издания. Актуализировалось уже не столько чтение для солдат, а сколько военная информация, необходимая всем чинам армии и на это делался упор. Требовался широкий обзор, широкий охват военных событий, а соответственно и иные ракурсы их видения и иные трактовки.

Логично также, что раз это военное издание, то необходимо было прохождение военной цензуры. Но ни в Кишиневе, ни тем более в Крыму это было практически нереально. На прохождение военной цензуры нужно было потратить еще месяц, а то и больше. Более того, типографская работа в Крыму во время войны представляется мало возможной. И Толстой тоже отдавал себе в этом отчет.

Но, прежде всего, требовалось получить разрешение цензуры на то, чтобы издавать «Военный листок». Для этого нужно было подготовить пробный листок. Л.Н. Толстой готовит этот пробный листок. Представляет его, прежде всего, главнокомандующему Южной армией М.Д. Горчакову. Дальше этот пробный листок отправляется военному министру, но скорее, через месяц, министр отвечает следующее: «Его величество ... изволил признать неудобным разрешить издание оного, так как все статьи, касающиеся военных действий наших войск, предварительно помещения оных в журналах и газетах, первоначально печатаются в газете „Русский инвалид“ и из оной уже заимствуются в другие периодические издания». Ответ пришел в Кишинев, но Толстой уже к тому времени приехал в Крым, но оказалось, что его артиллерийская бригада находится на переформировании в селе Эски-Орда (сегодня это село Лозовое в 6 километрах от Симферополя).

Толстой поселился в Симферополе на улице, которая сейчас носит название Льва Толстого. Лев Николаевич снимает угол в одном из домов, так как снять квартиру целиком квартиру в Симферополе во время Крымской войны не представлялось возможным. Население Симферополя увеличилось во много раз за счет того, что в городе располагались госпитали, пребывали беженцы.

После Толстой со своей артиллерийской бригадой отправляется в Севастополь. Воевал на Бельбеке, воевал на 4-м бастионе.

Толстой приезжает в Крым, не зная о том, что ему не дали разрешения печатать свое издание, которое он задумал. Он снова пишет своему брату Сергею о том, что «Я надеюсь, что журнал будет полезный и не совсем скверный», то есть он до последнего надеялся получить разрешение, но не получил.

Денег катастрофически не хватало. Существуют свидетельства, что Л.Н. Толстой писал домой, просил прислать ему денег, какую-то сумму ему прислали.

Ради этого издания он даже подумывал продать свое родовое имение «Ясную поляну».

Узнал Толстой об ответе министра в Крыму и страшно расстроился. Тут же пишет Николаю Алексеевичу Некрасову в журнал «Современник»: «не столько жалко даром пропавших трудов и

материалов, сколько мысли этого журнала, которая стоит того, чтобы быть осуществлённой, хотя <бы> отчасти». Толстого возмутило разрешение царя предполагавшимся участникам задуманного журнала присылать свои статьи в официальную газету военного министерства «Русский инвалид», на что они имели право и без этого разрешения. «На проект мой государь император всемилостивейше изволил разрешить печатать статьи наши в “Инвалиде” – с возмущением сообщал Лев Николаевич Н. А. Некрасову 1 декабря 1854 г.

Толстой находится в Севастополе, он изучает просторечный язык солдат, записывает солдатские разговоры, заинтересовавшие его фразы, какие-то отдельные слова, которые потом он обязательно пустит в дело – он употребит и применит их, когда будет писать «Севастопольские рассказы».

В начале 1855 года Толстой снова напишет Некрасову в «Современник» с просьбой оставлять ему место в журнале, при чем не временное, а постоянное. И он обещает, что будет раз в месяц присылать от двух до пяти печатных листов текста для публикации в журнале. Толстой соглашается на любые условия оплаты, деньги его не слишком интересуют. Ему важно одно – чтобы то, что он видит, что фиксирует – было напечатано и об этом узнали читатели. Некрасов соглашается. Он знал Толстого, потому что он до этого уже опубликовал в «Современнике» «Детство». Некрасов спешит ответить Толстому: «Пришлите нам Ваши солдатские рассказы — мы их напечатаем в «Современнике», зачем Вам их совать в «Инвалид»? Печатать их в нашем журнале можно, разумеется, если они пройдут гражданскую и военную цензуру».

Разрешение на издание не было получено, но материалы, над которыми работал Толстой, все-таки будут опубликованы в «Современнике». И это его «Севастопольские рассказы». Это цикл из трех рассказов: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года».

Из чего исходил Л.Н. Толстой? Прежде всего, ему нужно было донести до читателя детальное и широкое представление о войне. И здесь можно было выбрать два пути. Первый – предпринять попытку писать репортажи, как делала Уильям Рассел, британский журналист, который освещал ход Крымской войны. То есть, это сиюминутная фиксация фактов без обобщений и тогда читатель собирал бы из этих репортажей нужную ему информацию, делал выводы. Но, суть в том, что, скорее всего, цензура репортажи в духе Рассела ни за что бы не пропустила и не опубликовала. И поэтому, Толстой предпринимает попытку такого художественного обобщения. Он корреспондент, он военный журналист, но, тем не менее, это писательский ход, художественное обобщение событий.

Л.Н. Толстой в своих «Севастопольских рассказах» создает обобщенные портреты и характеры - описание боев, казарменной жизни, блиндажной жизни защитников Севастополя, портреты обычных людей, порою безымянных, но они останутся в истории, они останутся в памяти, навсегда останутся в нашей культуре. Толстой соединил эти портреты, эти события с психологизмом и это очень ценно. Например, в «Севастополе в августе 1855 года», который завершает цикл Севастопольской эпопеи Льва Николаевича, на примере братьев Козельцовых показано, что страх смерти – это естественное, но вполне себе преодолеваемое состояние.

Героизм по Толстому – это не просто так, это святой порыв, проявляющийся порой неожиданно, например, в момент наивысшего напряжения боя. Но и это все может притушиться благодаря бюрократии, которая царил в России, благодаря каким-то нелепым затyajкам, нелепым случаям, как получилось у офицера-добровольца, о котором тоже пишет Толстой в своих рассказах. Стремясь попасть на передовые позиции, этот доброволец очень долго не получал

разрешение. Он пишет записки, доказывая, что он не масон, что ему не нужна оплата, что он просто так хочет пойти по порыву своих чувств, чисто из патриотизма, из любви к Родине. Но, тем не менее, это все затягивается и затягивается на месяц, два и больше и постепенно энтузиазм этого добровольца пропадает и, более того, к нему приходит страх смерти, хотя он искренне изначально хотел ехать под Севастополь из чувства патриотизма.

О чем пишет еще Толстой? Он пишет о том, что страх, например, присущ каждому человеку – обычному рядовому, офицеру и генералу. Но чувство страха может перекрываться и перебиваться другими чувствами, которые есть у человека, а именно: чувство долга, совести. И вот эти чувства и должны перекрывать чувство страха. Это очень убедительно показано в конце последнего рассказа Толстого, когда он описывает, что на Северную сторону был сооружен и переброшен понтонный мост, по нему отходят войска, по нему эвакуируются местные жители. И в этих эпизодах он говорит, что в душе каждого боролись и страх и тяжелое чувство, как будто, похожее на раскаяние, стыд и злобу. И этих чувств, которые вот сейчас обуревали каждого человека, кто переходил на Северную сторону, отступал, хватило бы, наверное, чтобы сейчас же вернуть вновь солдат к отчаянному бою.

Заслуга Л.Н. Толстого не только в фиксации исторических событий, а в представлении психологии человека на войне, в изображении войны как очень тяжелого, трудного, мучительного, изнурительного дела, требующего терпения, умения и выдержки.

Через месяц после выхода «Севастопольских рассказов» в «Современнике» будет опубликована критическая статья с очень исчерпывающей и очень страстной характеристикой рассказов Севастопольского цикла. «...проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда <...> Володе Козельцеву суждено долго жить в русской литературе, может быть столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады <...> Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети, — по крайней мере, многие пали так <...> Счастлив писатель, которому дано трогать такие струны в человеческом сердце!»

Каждый персонаж Толстого – это обобщающий образ целого ряда людей. Это такой собирательный образ, демонстрирующий те чувства, которые присущи абсолютно каждому человеку.

Толстой превратил документальные очерки в реалистичные рассказы на документальной основе. Именно поэтому мы по праву можем считать его первым военным корреспондентом. И он преуспел в этом, так как рассказы Толстого востребованы до сих пор.

Что касается Рассела, то его корреспонденции, безусловно, бесценны. Это ценнейший документальный исторический материал, который интересен как историкам Крымской войны, так и историкам журналистики. Но классикой репортажи Рассела не стали. Они не вошли в историю культуры. А рассказы Толстого вошли в историю культуры и в историю журналистики.

Если говорить об объеме написанного, то репортажи Рассела составили два тома, рассказы Л.Н.Толстого - в разы меньше. Следует также учитывать, что Уильям Рассел приехал в Крым исключительно корреспондентом, в его задачи не входило воевать. А Толстой был кадровым военным. Соответственно, время, отпущенное для написания текстов, сравнить невозможно, так как Рассел исключительно занимался этим, а Толстой – когда у него было на это время.

Заключение

Таким образом, проанализировав художественное произведение, исторические источники и справочные издания, я подтвердила гипотезу о том, что Л.Н. Толстой стал первым русским писателем-корреспондентом, заложившим основы военной литературы и репортажа.

Очерк «Севастополь в декабре месяце» опубликован в шестом, июньском, номере «Современника» за 1855 год. То есть месяцем раньше очерков Николая Берга и Аркадия Столыпина. При этом в сноске от имени редакции написано: «Автор обещает нам ежемесячно присылать картины сева­стопольской жизни, в роде предлагаемой. Редакция «Современника» считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами «Детство», «Отрочество», «Набег» и «Записки маркера».

Как видим, редакция «Современника» фактически объявляет Льва Толстого своим постоянным фронтовым корреспондентом. И это решение возникло отнюдь не спонтанно, а по желанию самого Толстого, который горел желанием заняться именно военной журналистикой. В 1854 году он даже принял участие в попытке издания первого в России военного журнала.

Лев Толстой, выйдя после войны в отставку, посвятил себя писательскому труду. Он не ездил к местам боевых действий и не писал об этом в газеты. Но это не должно умалять его журналистскую деятельность во время Крымской войны. Как минимум он имеет право считаться одним из первых русских военных журналистов наравне с Николаем Бергом. Хотя, если честно, Лев Толстой – именно первый русский военный корреспондент, на месяц опередивший публикацию Берга очерком «Севастополь в декабре месяце».

Мое исследование имеет практическую значимость: материалы исследования можно применять не только учителям на уроках литературы, истории, обществознания, внеурочных занятиях, но и библиотекарям при проведении мероприятий, посвящённых творчеству Л.Н.Толстого.

Нельзя не согласиться со словами литературного критика XIX века А. В. Дружинина, который утверждал, что ни одна из воюющих сторон «не имела у себя хроникёра осады, который мог бы соперничать с Толстым».

Список использованной литературы

1. Березовская В. В. Традиции Л. Толстого в произведениях второй половины XIX века о Крымской войне // Толстовский сборник: Докл. и сообщения XII Толстовских чтений; под ред. М. П. Николаева. Вып. 5. Тула: Тульский пединститут, 1975. С. 150–160.
2. Ветшева, Н.Ж. «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого: хронотоп великой эпопеи / Н.Ж.Ветшева. - Томск: Изд-во Томского университета, 2010. – С.114-121.
3. «Не могу описать этой ужасной картины...» // Родина. – 1995. - № 3/4. – С.123-124.
4. Тарле, Е.В. Собрание сочинений. Том IX/Е.В. Тарле.-М.:Изд – во Академии наук СССР, 1959.-625 с.
5. Толстой, Л.Н. Избранные произведения / Сост., предисл. и пояснит. статьи К.Н.Ломунова. – М.: Дет.лит., 1985. – 766 с.
6. Толстой, Л.Н. Переписка с сестрой и братьями / Редкол.: В. Вацуро. - М.: Худож. лит., 1990.- 543 с.
7. Шитова, М.М. Участие сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины в обороне Севастополя / М.М.Шитова // ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», г. Комсомольск-наАмуре. – С.251-258.
8. Школьная энциклопедия «Руссика». История России. 18-19 вв.- М.: ОЛМА – ПРЕСС Образование, 2003. – 736с., ил.
9. Энциклопедия для детей. [Т.32] История войн/Редколлегия М.Аксёнова и др. – М., 2009.-640с.: ил., карты.

Исторические личности, принимавшие участие в Крымской войне 1853-1856 годов
--

Корнилов Владимир Алексеевич (1806 -1854)

Вице-адмирал, участник Наваринского сражения 1827 г. и Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. С 1849 г. начальник штаба, с 1851 г. фактический командующий Черноморским флотом. Выступал за перевооружение кораблей и замену парусного флота паровым. В Крымскую войну один из руководителей Севастопольской обороны. Владимир Алексеевич был смертельно ранен в голову на Малаховом кургане. "Отстаивайте же Севастополь", — были его последние слова.

Похоронен в склепе Морского собора святого Владимира рядом со своим учителем — адмиралом Лазаревым.

Нахимов Павел Степанович (1802 -1855)

В 1845 г. Нахимов был произведен в контр-адмиралы, и стал командовать 1-й бригадой 4-й флотской дивизии. С декабря 1853 г. Нахимов командовал судами на рейде и в бухтах Севастополя. 28 июня 1855 при очередном приступе осаждавших Севастополь англо-французских войск Нахимов был смертельно ранен пулей в висок и через два дня умер, не приходя в сознание. Погребен в Севастополе рядом с Лазаревым, Корниловым, Истоминым. Источник:

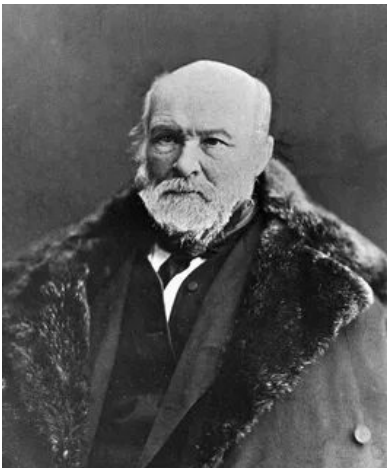
Истомин Владимир Иванович (1809-1855)

Контр-адмирал, герой Крымской войны и защиты Севастополя происходил из дворянского рода. Ещё гардемаринем на линейном корабле «Азов» под командованием М. П. Лазарева, Истомин отличился в Наваринском сражении 1827г. и во время русско-турецкой войны 1828-1829, участвовал в Синайском морском сражении 1853г. За доблесть при Синопе 28 ноября 1853 г. Истомин был произведен в контр-адмиралы. С 1854г. и до дня смерти он ни на день не покинул бастион. Истомин погиб 7 марта 1855 г. на Малаховом кургане.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818 -1884)

Известнейший российский военный инженер-генерал, потомок древнего дворянского рода Тюрингии германского происхождения. В 1854-1855 во время Крымской войны Тотлебен проявил выдающийся инженерный талант при строительстве укреплений, не позволивших взять город атакой и заставивших противника перейти к осаде. Малахов курган — главный объект атак противника. Попытки взорвать севастопольские укрепления натолкнулись на подготовленные Тотлебенем сети минных галерей.

Пирогов Николай Иванович (1810-1881)

В 1828 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Российский хирург и анатом, педагог, общественный деятель, основоположник военно-полевой хирургии и анатомо-экспериментального направления в хирургии. Участник Севастопольской обороны 1854-1855, франко-прусской 1870-1871 и русско-турецких 1877-1878 войн. Впервые произвел операцию под наркозом на поле боя в 1847г, ввёл неподвижную гипсовую повязку, предложил ряд хирургических операций, открыл новый способ бальзамирования. До наших дней в церкви села Вишни Подольской губернии хранится тело самого Пирогова набальзамированное этим способом.

Даша Севастопольская (Дарья Лаврентьевна Михайлова) (1836 — 1910)

Дочь матроса 10-го ластового экипажа Лаврентия Михайлова, убитого при Синопском сражении) — сестра милосердия, героиня обороны Севастополя в Крымскую войну. Даша спасала людей не по долгу медика, а по велению сердца, движимая милосердием. Именно отсюда и появилось в русской речи устойчивое словосочетание «сестра милосердия». Гражданским подвигом дочери матроса был потрясен сам император Николай I, который пожаловал ей золотую медаль с надписью «За усердие».

Кошка Петр Маркович (1828 — 1882)

Русский матрос, герой Севастопольской обороны 1854 — 1855гг. Родился в семье крепостного крестьянина. Помещик, заподозрив Кошку в связях с участниками восстания крестьян на Подолии, отдал его в матросы. Отличался выдающейся храбростью, военной сметкой на вылазках, при разведке во вражеском тылу, захвате языков, разрушении неприятельских траншей. В исторической литературе имя Кошки олицетворяет подвиги тысяч безвестных героев — русских солдат и матросов, участников обороны Севастополя. На памятнике адмиралу Корнилову в Севастополе Кошка изображен выбрасывающим из окопа попавшую туда бомбу.

Награды для участников обороны Севастополя

Несмотря на поражение в войне, героизм защитников Севастополя был отмечен установлением медали не «за победу», не «за взятие», а впервые в истории России – «за защиту». Через полтора месяца после окончания войны рисунок медали выполнили медальеры Санкт-Петербургского монетного двора А.П. Лялин и В.В. Алексеев. А еще через две недели, 26 ноября 1856 года, император Александр II учредил медаль «За защиту Севастополя», и Монетному двору заказали исполнить 100 000 экземпляров

серебряных медалей. Медалью «За защиту Севастополя» награждались генералы, офицеры и солдаты (в том числе и нестроевые), составлявшие севастопольский гарнизон, и жители, принимавшие участие в обороне города. Даже крепостные слуги офицеров получили эту награду, которая носилась на Георгиевской ленте. На лицевой стороне медали (диаметром 28 мм) рядом изображены два вензеля – императоров Николая I и Александра II, увенчанных коронами. На оборотной стороне медали, под лучезарным «Всевидящим Оком», сделана четырехстрочная надпись: СЪ 13 СЕНТЯБРЯ – 1854 – АВГУСТА – 1855. Ее окружает надпись, сделанная более крупным шрифтом вдоль края медали: ЗА ЗАЩИТУ СЕВАСТОПОЛЯ.

По повелению вдовствующей императрицы Александры Федоровны в начале 1856 г. академик А.П. Лялин выполнил эскизы медалей для сестёр милосердия, находившихся в Крыму во время боевых действий. Ими награждались не только сестры милосердия Крестовоздвиженской женской общины и Севастополя, но и сестры «Общины сердобольных вдов».

К началу августа 1856 г. было уложено в футляры 6 золотых и 200 серебряных медалей. На лицевой стороне медали диаметром 39 мм, под императорской короной, изображён вензель императрицы — «А. Ф.», его окружает разделённая «растительным орнаментом» надпись: сверху, над короной — «Крым», справа — «1854», внизу — «1855» и слева — «1856». На оборотной стороне, под сиянием, исходящим от «всевидящего ока», пятистрочная надпись, выполненная славянской вязью: «Аминь глаголю вам понеже сотвористе единому сих братьий моих меньших мне сотвористе», под надписью, внизу — восьмиконечный крестик.